

А.В. Кислицын

Элементы этнополитического самосознания молодежи Южного Урала: проблемы самоидентификации молодежи

В постперестроечный период и после развала СССР население России испытало резкие социальные и психологические изменения. Это связано с исчезновением понятия «советский человек», которое практически заменяло гражданам этническую принадлежность. В первую очередь такого рода изменения коснулись русского населения Российской Федерации.

Распад СССР и последующие изменения в политической и экономической жизни России можно рассматривать как фактор определенного социального стресса. На референдуме 1991 г. более 70% населения Союза проголосовали за сохранение обновленной структуры СССР. В настоящее время русские как доминирующий народ России находятся в состоянии определенной психологической дезадаптации. Вызвано это, с одной стороны, достаточно неожиданными для массового сознания русских повсеместными процессами национального возрождения титульных народов. С другой стороны, обострение национальных отношений происходит на фоне политических и экономических потрясений, изменения идеологической роли русских на территории бывшего СССР – от позиции «старшего брата» до состояния этнического большинства или меньшинства.

Если этническое самосознание титульных этносов как бывших советских республик, так и республик в составе Российской Федерации значительно возросло, то самоидентификация русских оказалась значительно затруднена. Это связано с тем, что, во-первых, у русских этническая идентичность как бы подменяется общероссийской, что можно назвать своего рода данью прошлому (в данном случае понятие «россиянин» заменило понятие «советский человек»). Во-вторых, нарождающийся русский национализм принял ультрапатриотическую радикальную форму, практически шовинистическую по своей сути, и был единогласно осужден практически всеми средствами массовой информации, которые оценивают его резко отрицательно, однозначно

наделяя его враждебным потенциалом. В-третьих, проблемы формирования особой русской идентичности связаны с тем, что до недавнего времени не существовало базы для формирования собственно русской этнической идентичности, так как русские составляют большинство в России и выступали в свое время носителями советской идеологии – наднациональной по своей сути. Само понятие «советский народ» конструировалось на базе языкового и культурного приоритета русских, следовательно, советская идентичность вполне могла заменить этническую. К тому же русским, в силу их численного и социального доминирования, не приходилось в широких масштабах сталкиваться с необходимостью отстаивать свои этнические интересы, что, безусловно, является одним из факторов этнической консолидации. У большинства русского населения не возникало также потребности в особом осмыслении своей этничности, так как интересы доминирующего народа в значительной части совпадали с провозглашенными государственными ценностями.

Современный русский ультрапатриотизм стал своего рода ответом на распад СССР, который не поддерживало большинство населения. Но, с другой стороны, он же и отпугивает многих русских в силу своей чрезмерной радикальности.

Советское время воспитало в большинстве русских чувство терпимости к другим народам России, к тому же в силу численного превосходства русских другие народы не воспринимались как угроза привычной жизни, что связано с административно-территориальной структурой Российской Федерации. Области и края, где проживает до 85% населения РФ, по сути своей мононациональны: до девяти десятых их населения составляют русские. На Южном Урале русские составляют 91,4% населения.

Что касается молодежи, выросшей в это время, она в наибольшей степени испытала на себе все особенности эпохи. С одной стороны, присутствует прежняя самоидентификация с «советскими людьми», с другой, – с достаточно новыми для нашей страны понятиями «россиянин» и «гражданин РФ».

Это видно из данных этносоциологического опроса, который проводился на территории Южного Зауралья в г. Кургане среди молодежи в возрасте 16–23 лет. 26,6% опрошенных воспринимают «советского человека» как «своего» (полная самоидентификация), 41,3% – как «скорее своего» (частичная самоидентификация). 25,3% испытывают некое отчуждение по отношению к «советским людям», считая их «скорее чужими», и лишь 6,8% респондентов полностью отрицают свою связь с «советскими людьми», считая их «чужими».

Наибольшая самоидентификация русской молодежи Южного Урала отмечена по отношению к понятию «гражданин РФ». Отвечая на вопрос «Выберите, пожалуйста, кем Вы считаете себя в первую очередь (не более трех ответов)» (выбор между: «Я – гражданин РФ», «Я – россиянин», «Я – русский» (или др. национальность), «Я – мужчина/женщина», «Я – зауралец (курганец)», «Я – человек мира») 68% опрошенных выбрало категорию «Я – гражданин РФ», 58,6% главным считают для себя пол («Я – мужчина/женщина») и лишь 38,6% полагают, что главное – это этническая принадлежность («Я – русский»).

Такого рода затрудненная самоидентификация русских заставляет задуматься над тем, что же вкладывают респонденты в понятие «русский», какими качествами они наделяют свой народ. На вопрос «Как бы Вы охарактеризовали русских людей? В какой степени им свойственны те или иные проявления различных качеств характера и поведения?» в ходе опроса были получены следующие данные:

Качество характера/поведения	Наибольший %
Беспечность	47,9%
Разболтанность	49,9%
Инертность	51,9%
Независтливость	52,1%
Неуважение к закону	53,3%
Скромность	53,5%
Вспыльчивость	53,9%
Сдержанность	54,1%
Неаккуратность	54,6%
Честность	54,8%

Простодушие	54,8%
Основательность	54,8%
Преклонение перед авторитетом	56%
Лень	59,9%
Предприимчивость	60,1%
Веротерпимость	64,1%
Доверчивость	64,2%
Расточительность	66,6%
Упрямство	66,6%
Религиозность	70,1%
Искренность	70,8%
Щедрость	73,4%
Доброта	75,5%
Открытость	76,2%
Жизнерадостность	77,2%
Дружелюбие	77,4%
Смелость	78,8%
Гостеприимство	80,2%
Патриотизм	81,4%
Приветливость	81,5%
Душевность	84,1%

Интересно, что большинство отметило такие качества, как душевность (84,1%), патриотизм (81,4%), приветливость (81,5%), гостеприимство (80,2%), смелость (78,8%), дружелюбие (77,4%), жизнерадостность (77,2%), открытость (76,2%), доброта (75,5%), щедрость (73,4%), искренность (70,8%), религиозность (70,1%).

Характерно, что 70,1% опрошенных выделили показатель «религиозность», который еще 15–20 лет тому назад вообще никем не воспринимался всерьез и считался несущественным. Примечательно также, что 60,1% опрошенных считают: русские склонны к предпринимательской деятельности, хотя на вопрос «Что, на Ваш взгляд, прежде всего препятствует выходу страны из кризиса?» 30,2% отметили именно неумение русских жить и работать в новых условиях.

Настораживает, что 53,3% респондентов считают, что русским не свойственно уважение к закону. О какой же борьбе с преступностью может идти речь, если более половины опрошенных если и не одобряют, то, по крайней мере, фиксируют этот показатель.

Несмотря на распад СССР и обострившиеся межэтнические конфликты (для Южного Урала – это, в первую очередь, отношения с Казахстаном), русское население региона сохранило толерантность к другим национальностям. На вопрос «Выделяете ли Вы свою национальность среди других?» 36% респондентов ответили, что никогда не забывают, что они русские, 38,7% считают, что для них не имеет значения их национальность и национальность окружающих, а 17,3% считают, что современному человеку вообще не обязательно причислять себя к какой-либо национальности. На вопрос «Ощущаете ли Вы в жизни поддержку со стороны представителей Вашей национальности?» примерно одинаковое количество опрошенных отметили ответ «да» (38,8%) и «не выделяю людей своей национальности среди прочих» (34,6%).

Особо показательны ответы на вопрос «Как Вы лично относитесь к вступлению в брак с представителем другой национальности?». «Положительно» относятся 34,6% опрошенных, 40% считают такой брак скорее положительным, чем отрицательным; скорее отрицательно к межэтническому браку относятся 13,3% и отрицают такой вариант 2,6% опрошенных при 9,5% затруднившихся ответить.

Подобное отношение молодежи Южного Урала, во-первых, можно объяснить довольно моноэтническим составом населения региона, во-вторых, невосприятием других национальностей, в основном бывших «советских», как национальностей «чуждых». В-третьих, изменившиеся отношения между Россией и Казахстаном не столь сильно коснулись российской территории, как казахской, а та миграция из Казахстана на территорию России, которая была достаточно сильной в 1990-х годах, существенным образом не изменила этническую картину региона.

Таким образом, затрудненная самоидентификация русской молодежи Южного Урала в первую очередь связана с положительным восприятием понятия «советский человек» и его новыми альтернативами

– понятиями «россиянин» и «гражданин РФ». Во-вторых, моноэтничность населения региона позволяет избегать конфликтных межэтнических ситуаций, не вынуждает русское население региона спланиваться, объединяться. В-третьих, база для формирования особого русского этнического сознания еще не создана, а вокруг чего она будет консолидироваться – пока не известно. Можно предположить, что будет укрепляться культурная и религиозная основа идентификации русского этноса (взамен идеологической), тем более, что 70,1% молодежи выделяют в качестве этнической компоненты русского народа «религиозность», что весьма показательно.

Литература и источники

Арутюнян Ю.В. Испытание устойчивости нового политического сознания русских (этносоциологическое исследование) // *Этнограф. обозрение.* 1994. № 3. С. 3–16.

Данные опроса «Этнополитическое самосознание молодежи современного Южного Урала», апрель–май 2003 г., г. Курган.

Курганский областной комитет государственной статистики. Данные по запросу от 22.11.02.

Программа экономического и социального развития Курганской области на 2004–2010 гг. Курган, 2003.

Россия в цифрах. 2001г.: Краткий статистический сб. М., 2001.

Рыжова С.В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования) // *Проблемы суверенитета и этнической идентификации на примере республик Татарстан, Тува, (Саха) Якутия и Северная Осетия.* М., 1994. С. 268–269.